

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1'373.612.2 + 811.131.1'373.612.2 + 81'42

И. Гарбуйо

**ФЛОРИСТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА
В РУССКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ**

Статья посвящена сопоставительному исследованию механизмов метафоризации флористической лексики русского и итальянского языков. Наименования цветов являются семантически и словообразовательно мотивированными: внутренняя форма фитонимов может быть живой или стертой. Для этой тематической группы характерен процесс семантической деривации, в результате которого формируется система флористических метафор. В работе рассматривается соотношение первичных фитонимических номинаций и их позднейших переосмыслений в процессе метафоризации: метафора может развивать уже заложенные в первичной номинации смыслы, а может основываться на ассоциативных признаках. Выбор оснований в процессе метафоризации оказывается значимым для понимания специфики разных метафорических картин мира.

К л ю ч е в ы е с л о в а: флористическая метафора; флористическая лексика; сопоставительный анализ; механизмы метафоризации; внутренняя форма слова.

Настоящая работа посвящена анализу метафорических номинаций, принадлежащих к растительному миру, который играет «одну из важнейших ролей в нашей жизни и в силу огромного богатства этого участка природной среды находит своеобразное отражение в системе знаний человека и в языке. Фитонимическая лексика ярко репрезентирует жизненный опыт человека, его индивидуальные наблюдения за окружающим миром живой природы» [Бабина, Дементьева, с. 180]. Мы рассматриваем метафорические номинации тематической группы «Цветы» в русском и итальянском языках. Материалом послужили корпуса русского и итальянского языков¹ и словари разных типов: толковые и этимологические словари русского языка [ТСОШ; ТСУ; МАС; Ефремова; Фасмер] и толковые словари итальянского языка [GRADIT; DISC; Treccani; GDI].

---

¹ Материалом для анализа послужили контексты, извлеченные из базы данных Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) и газетного корпуса La Repubblica.

В последние годы появилось множество работ, посвященных анализу флористической лексики и на материале одного языка и в сопоставительном плане [Сетаров; Мусаева; Панкова, и др.]. Актуальность данной статьи определяется не только отсутствием детальных исследований, посвященных сопоставительному изучению русской и итальянской флористической метафоры, но и общей задачей, заключающейся в сопоставительном описании метафорических фрагментов двух языковых картин мира и в выявлении и анализе разного типа лакун в словаре растительных метафор.

Исследование опирается на основополагающие работы в области когнитивистики (Ю. С. Степанов, Ю. Н. Караулов, Н. Д. Арутюнова, А. Вежицкая, Б. А. Серебренников, В. Н. Телия, О. А. Корнилов, А. Д. Шмелев и др.), метафорологии (Д. Н. Шмелев, Дж. Лакофф и М. Джонсон, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, А. П. Чудинов и др.) и теории лакунарности (И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин, И. А. Стернин, Г. В. Быкова и др.).

В моделировании того или иного фрагмента метафорической картины мира существенную роль играет анализ регулярной многозначности (Д. Н. Шмелев, Ю. Д. Апресян, Е. В. Падучева, Г. И. Кустова и др.), а также выявление и исследование основных механизмов метафорообразования: определение доминирующих признаков, положенных в основу метафорического значения, и описание основных метафорических моделей (Дж. Лакофф и М. Джонсон, З. И. Резанова, А. П. Чудинов, Н. А. Мишанкина и др.). В этом контексте становится актуальной проблема соотношения первичной, живой внутренней формы прямого значения [Блинова, 2007; 2010] и вторичной образности.

В области флористической метафоры в ряде случаев переносное значение развивает признак, положенный в основу прямой номинации, в других же случаях «первообраз» оказывается невостребованным. В связи с этим по-прежнему актуальной является мысль Р. А. Будагова о том, что «первоначальное значение слова и его позднейшие осмысления могут частично или совсем не совпадать. Это несоответствие очень существенно для номинации процесса развития значения слова» [Будагов, с. 93].

Прослеживая «народную таксономию» растений (имеются в виду не латинские названия, а номинации, используемые в народном обиходе), мы заметили, что в основе русских и итальянских номинаций лежат разнообразные мотивационные признаки, связанные с множеством факторов (географическим, климатическим и ландшафтным, фактором восприятия цвета, формы, запаха и др.). Например, в русском языке названия ягод *черника*, *голубика*, а в итальянском *mora* 'ежевика' связаны с цветом ягод. Итальянская номинация *mirtillo* 'черника' происходит от *mirto* 'мирт' по сходству с цветом, формой и характеристикой поверхности его плодов. *Ежевика*, производное от *ёж*, связано с наличием у растения колючек. Действительно, «бросающийся в глаза признак» лежит в основе многих названий.

Так, например, в русском языке наименования некоторых грибов обладают яркой внутренней формой (далее — ВФ), которая связана с местом их произрастания (например, *подберёзовик* растет под березой, *подосиновик* — под осиной,

опенок — около пня, *боровик* — в сосновых борах) или с цветом гриба (*рыжик*, *лисички*). Подобный процесс наблюдается и в итальянском языке: гриб *piopparello* ‘полёвка цилиндрическая’ растёт около тополя (*pioppo*), *prataiolo* ‘луговой шампиньон’ — на лугах (*prati*), и т. д. Есть номинации, связанные с формой или внешним видом гриба, например, *сморчок* так назван из-за своей сморщенной кожицы, *spugnola* ‘сморчок’ похож на губку (*spugna*), *chiodini* ‘опята’ на гвозди (*chiodi*), и т. д.

Словообразовательный процесс, охватывающий указанный фрагмент фитонимической лексики, способствует «запуску» и семантической деривации, однако процесс метафоризации не такой активный и последовательный, как словообразовательный. Например, от лексемы *черника* образуется прилагательное *черничный* (*джем*), развивающее в дальнейшем цветовую метафору, а от слова *голубика* — уже нет. Лексемы *сморчок*, *мухомор*, *поганка* образуют метафорические значения — характеристики человека, а *масленок*, *волнушка*, *подберёзовик* — нет.

Система названий цветов многообразна. В зависимости от характера внутренней формы (ВФ) и типа мотивированности выделяется несколько разновидностей флористической лексики.

Существует множество номинаций, ВФ которых оказывается неясной, непрозрачной (ассоциация, на основе которой формировалась номинация, со временем угасла и стала неосознаваемой адресатом). Для выяснения мотивировки, лежащей в основе русских номинаций, мы обратились к этимологическому словарю; для описания итальянских единиц — к вышеназванным толковым словарям, которые последовательно фиксируют этимологию слова. Мы обнаружили, что доминирующими мотивационными признаками служат внешний вид, место произрастания, свойства и особенности растений, например, цвет. Так, русское название *хризантема* и итальянское *crisantemo* произошли от двух греческих слов: χρυσός ‘золотой’ и ανθεΐς ‘цветок’ — и объясняются желтой природной окраской соцветий; *маргаритка*, итал. *margherita* — от греч. μαργαρίτης ‘жемчужина’ — напоминает по цвету жемчуг; русская номинация *ирис* и итал. *iris* восходят к греч. Ἴρις ‘радуга’ — цветок получил такое имя из-за своей многоцветности; *lilla* (сирень) — от араб. *lilac* ‘синий цвет’, и т. д.

Часто в процессе наименования актуализируется признак формы: например, и в русском, и в итальянском языках цветок *тюльпан* (итал. *tulipano*) происходит от тур. *tülbend* ‘тюрбан’; *герань* (итал. *geranio*) получила такое название по форме плодов, похожих на клюв журавля; в основе номинации *василёк* — от греч. βασιλικόν ‘царский’ — лежит признак формы царской короны; название *цикламен* (итал. *ciclamino*) происходит от лат. *cyclamīnum* и греч. κύκλος ‘круг, окружность’ (из-за круглой формы клубня), и т. д.

Реже выступают иные свойства растений, например, цветок *мимоза* (итал. *mitosa*) в обоих языках так назван по сходству движений листьев мимозы (при прикосновении к ней чего-либо) — с жестами мима; русское название *лютик* — по лютому, ядовитому для скота соку. Однако итальянское название лютика *ranuncolo* связано с местом произрастания (от *rana* ‘лягушка’, растение любит

болотные места, как лягушка). В русском *ромашка* является производным словом от ботанического термина *anthemus romana* (букв. «ромашка римская»), а в итальянском языке *catomilla* ‘ромашка’ происходит от греч. χαμαί ‘карликовый’ и μήλον ‘яблоко’, по сходству с запахом некоторых разновидностей яблок.

Таким образом, изначально данные наименования обладали яркой образной мотивацией, которая со временем «стерлась», стала неактуальной для носителей языка.

К этой же группе мы можем отнести и номинации, указывающие на «автора» выведенного, привезенного или открытого растения, поскольку носителями языка связь между именем собственным и растением не ощущается. И так, в обоих языках *бегония* (итал. *begonia*) так названа в честь французского губернатора Бегона; *фуксия* (итал. *fucsia*) — в честь немецкого ученого, ботаника Леонарда Фукса; *камелия* (итал. *camelia*) в честь иезуита Камелла; *георгина* или *даля* (итал. *georgina* или *dalia*) так названы по имени русского профессора Георгия и шведского ботаника Дала.

Есть еще некоторые номинации, ВФ которых совсем утрачена, как, например, рус. *роза*, *лилия*, *фиалка* и соответствующие итальянские номинации *rosa*, *giglio* и *viola*. Вопрос о происхождении данных слов потребовал бы специального глубокого исследования.

Однако существует иная разновидность фитонимов, номинации которых имеют вполне ясную, живую ВФ. Эти названия «сохраняют» мотивационный признак, привлечший внимание номинатора и положенный в основу наименования данных цветов. Это номинации по преимуществу связаны или с морфологическими признаками растения или самого цветка, или — чаще — с особенностями их произрастания (место и время года) или с характеристиками его жизнедеятельности. В русском есть название цветка *кувшинка*, похожего на *кувшин*, *колокольчик* — на *колокол*, *ноготки* — их семена похожи на *ногти*, *гвоздика* — на *гвоздь*, и т. д. В итальянском гораздо меньше таких номинаций с яркой ВФ, связанной с морфологией цветка: *campanula* ‘колокольчик’ от *campana* ‘колокол’, *stella alpina* (букв. «альпийская звезда») ‘эдельвейс’ — от формы цветка и места произрастания, и т. д.

Очень продуктивными в обоих языках оказываются номинации, связанные с характеристиками жизнедеятельности цветка: в русском *первоцвет*, а в итальянском *primula* от *primo* ‘первый’ (первое весеннее растение). Таким же образом строятся русские наименования *подснежник*, *подсолнух*, *одуванчик* и пр. и соответствующие им итальянские фитонимы *bucaneve* («пробивающий снег»), *girasole* («поворачивающийся за солнцем»), *soffione* — от *soffio* ‘дуновение’, и т. д.

Рассматривая ВФ наименований цветов, мы столкнулись с тем, что иногда в них можно обнаружить специфические культурно-национальные особенности этноса. В этом плане значимую роль играют и греческие мифы, и местные традиции: в обоих языках цветы *нарцисс* и *гиацинт* названы по имени греческих мифических героев. Кроме того, есть такие цветы, как *анютины глазки*, *иван-дамарья*, *иван-чай*, *незабудка*, а в итальянском — *nontiscordardimé* (букв. «не забудь

меня») или *occhi della Madonna* (букв. «глаза Богородицы»), *ninfea* ‘кувшинка’ от *ninfa* ‘нимфа’, и т. д.

Теперь рассмотрим, какие единицы данной ТГ образуют переносные значения и как живая ВФ (семантическая или словообразовательная мотивация наименования) влияет на развитие их семантической структуры. При этом мы опираемся не только на данные словарей, но и на материалы текстовых корпусов, поскольку толковые словари русского языка непоследовательно фиксируют интересующие нас переносные значения.

Проанализируем случаи образования флористических метафор, когда внутренняя форма наименования цветов оказывается стертой или утраченной.

В итальянском языке цветок *margherita* ‘маргаритка’, в основе наименования которого лежит признак «цвет жемчужины», развивает значение «названия объектов, форма которых похожа на форму цветка» [Трессани], например, в вышивке *punto margherita* — гладь, которой вышивают обычно цветочные орнаменты. В русском языке образуется наименование цвета *васильковый* от *василька*. Фитоним *василек*, мотивированный формой царской короны, утратил внутреннюю форму и стал донором названия ярко-синего цвета — *васильковый цвет*. Или, например, *ромашка* — номинация используется для обозначения детской карусели, а ВФ слова, напомним, связана с местом произрастания цветка.

Наименование *geranio* ‘герань’ и *ciclamino* ‘цикламен’ в итальянском изначально опираются на признак формы, однако, включаясь в процесс метафоризации, актуализируют цветовую семантику.

Эти примеры иллюстрируют, как при расширении семантической структуры полисеманта меняется образная составляющая: от формы к цвету (*василек*, *ciclamino* и *geranio*), от цвета к форме (*margherita*) или же от места произрастания к форме (*ромашка*).

Однако есть случаи, когда признак, лежащий в основе ВФ прямого значения, оказывается вновь востребованным в процессе семантической деривации: например, русский фитоним *тюльпан* и итальянский *tulipano* (от тур. *tülbend* ‘тюрбан’) в дальнейшем развивают метафорические значения с опорой на признак формы: общими метафорами будут «бокал», «лампочка» и «светильник», а в русском языке еще и «юбка». В этом случае можно, видимо, говорить о «разорванной метафорической цепочке»: современники едва ли помнят о сходстве цветка с турецким тюрбаном, однако зрительный образ (форма цветка) оказывается настолько ярким, что механизм метафоризации вновь опирается на него — в результате появляются метафоры, образованные на основе сходства формы тюльпана с другими предметами.

Таково же соотношение образных компонентов первичного и вторичного наименований в русском фитониме *сирень* и итальянском *lilla* (их ВФ базируется на синем / сиреневом цвете), которые образуют цветовые метафорические прилагательные. То же самое можно сказать про *миому* в русском языке: этимология данного слова отражается в его переносном значении «об обидчивом человеке» [МАС].

Несмотря на живую ВФ, некоторые лексемы развивают метафорические значения на основе целого комплекса ассоциативных компонентов, например, *подснежником* называют как человека, стремящегося не привлекать внимание, застенчивого, скрытного (см. контекст 1), так и молодого человека (2) или человека, оказавшегося первым в чем-либо (3). Ср.:

А уже после школы он этих фирм сменил множество: был подсобным рабочим на предприятии, где делали каминь (мешал раствор, подавал мастерам кирпич), сейчас работает в консалтинговой компании, где, как он говорит, его параллельно «учат на менеджера». Понятное дело — он везде «*подснежник*». Человека без паспорта официально никто не примет на работу. Поэтому и трудовой книжки нет. Больше всего он хочет выучиться на бизнесмена и найти отца («Человек без паспорта» // Труд-7) (1);

Мы с Витькой были в коридоре, а тут, гляжу, в кухне стоим, некрашенные половицы к закрытой двери текут, на окне цветы ледяные, а в коридоре, за дверью, тишина. Потом слышу, Серега говорит: — Не надо, дурашка... Ты еще пацанка, *подснежник* весенний, а я уже битый-ломаный. — Нет... Нет... — говорит Валька (Михаил Анчаров «Как Птица Гаруда») (2);

ГЕРОИ 1-го ТУРА. Два гола форварда «Торпедо» Игоря Лебеденко сделали его лидером бомбардирской гонки — наряду с волгоградцем Есиповым. Торпедовский юниор — что *подснежник*: третий год подряд непременно выстреливает в стартовых турах. Чтобы не быть голословным, проиллюстрирую вышесказанное (Сергей Егоров «Весенний голеадор команды Сергея Петренко») (3).

В последнем значении также употребляется, хотя и нечасто, лексема *первоцвет*:

Иные мемуарные характеристики Нины Воронель приводят на ум психологические объективки, которые писало на своих подопечных КГБ: «акцентуированный честолюбец, авантюрист, склонен к предательству». — Да не может такого быть, чтобы *первоцвет* российского диссидентства управлялся спецслужбами КГБ и ЦРУ! — Может, — горестно отвечает Нина Воронель. Мемуаристка знает, что говорит: она сама покрыта правозащитными шрамами полувекковой давности. Книга написана не историком, а участником (Валерий Сердюченко «Без прикрас»).

Кроме того, у *подснежника* в русском есть жаргонная милицейская метафора: труп, который находят весной, когда начинает таять снег (4, 5). В процессе метафоризации выделяются дополнительные характеристики цветка, связанные с тем, что цветок лежит под снегом: он рано появляется, растет в скрытом месте и мало виден.

Первый подснежник — в снегу под кустом найден труп женщины (Михаил Замiatин «Первый подснежник...») (4);

— Что за работа такая... У всех людей подснежник — весенний цветок, а у нас труп, найденный весной, когда сошел снег... (р. р.) (5).

Похожим образом ведет себя слово *одуванчик*. Доминирующим признаком может оказаться форма (пушистый или растрепанный), цвет (седины или светлый) (6, 7) или множество других признаков (легкость, воздушность, хрупкость...), на основе которых формируется выражение *божий одуванчик* 'о старом безответном человеке' [Ефремова] (8, 9). Иными словами, «первообразное» наименование *одуванчик* вызывает множество ассоциаций и оказывается «донором» для различных метафор.

Еще у нее были потрясающие волосы — пышные, волнистые, соломенного цвета. Я подумала: «Ну, настоящий *одуванчик!*». Это было так смешно, что я, глядя на Ольгу, не могла не улыбаться (Марьянчик Н. «5 мишеней для Ольги Зайцевой. Близкие и коллеги о неизвестных чертах характера знаменитой биатлонистки») (6);

— Да, он постоянно тут во дворах тусовался вместе с малышкой. Седой такой, волосы еще как *одуванчик*. — Верно-верно — тут же доносится из окон от наблюдающих за разговором жильцов дома («Уралмашевский тренер два месяца насилывал детей» // Комсомольская правда) (7);

Я — не мимоза, не *одуванчик*, а довольно-таки толстокожий и стервозный тип (сказал он кокетливо). Нет, в самом деле, надо писать все, что хочется и можется (Юлий Даниэль «Письма из заключения») (8);

На днях пришла в редакцию бабушка, *божий одуванчик*, и со слезами на глазах тихо так сказала: — Как трудно жить маленькому человеку на свете... После этих слов, признаться, сердце дрогнуло (Анна Соловьева «Поддержка “напрокат”») (9).

В итальянском фитоним *papavero* 'мак' имеет название, которое, по одной из теорий, происходит от специфической формы цветка. Этот морфологический признак, лежащий в основе наименования фитонима, в переносных значениях отодвигается на второй план, становясь неактуальным. Например, мы называем *papavero* 'очень скучного человека', 'речь или рассказ, вызывающие сонливость' или 'очень важного человека, который занимает первые места в обществе' [GRADIT] (см. примеры 10, 11). На первый план выступает совокупность характеристик цветка — его снотворные свойства или его внешний вид (цвет) и размер стебля:

...aveva una relazione con un' avvocatessa di Caracas. Mandante della rappresaglia — si disse — un alto *papavero* della polizia venezuelana («У него были отношения с адвокатом из Каракаса. Есть сведения, что заказчик убийства *занимает высокий пост* в венесуэльской полиции (здесь и далее перевод наш. — И. Г.)») (Attilio Bolzoni «Quella rotta maledetta che porta in paradiso») (10);

A impressionare il mistero che da ieri avvolge Bo Xilai. Quando un *papavero* del partito cambia ruolo, il politburo indica il nuovo ruolo dell' interessato («Впечатляет тайна, которая окутывает Бо Силая со вчерашнего дня. Когда *видный член* партии меняет должность, на новую должность его назначает политбюро») (G. Vis. «Cina, Guerra per i posti di potere il partito silura l'erede di Mao») (11).

Мы также выделили такие номинации, как *камелия* в русском языке и *primula rossa* 'алый первоцвет' в итальянском, которые образуют следующие переносные значения: *камелия* 'о женщине легкого поведения' [ТСУ] и *primula rossa* 'о неуловимом человеке, которого невозможно найти, несмотря на усердные поиски' [GDI]. В этих случаях метафорическое значение не связано с ВФ номинаций. Речь идет об авторских метафорах, поскольку эти выражения из известных романов «Дама с камелиями» А. Дюма и «Алый первоцвет», написанного баронессой Эммой Орци.

Данная ТГ является одинаково продуктивной с точки зрения процессов метафоризации в обоих языках. Флористические метафоры наиболее часто образуются на основе визуального представления и реже — на основе других: основанием для переноса русских наименований становятся такие признаки, как цвет, форма (*роза, тюльпан, ромашка*) и характеристики жизнедеятельности растения (*мимоза, первоцвет* и *подснежник*); для итальянских же метафор актуальными являются признаки цвета, формы, размера (*rosa, tulipano, papavero* и *margherita*) и свойства цветов (*tammola* и *papavero*).

Эта ТГ играет значительную роль в расширении и детализации лексической парадигмы «Цвет»: в русском языке — *розовый, фиалковый, васильковый, лиловый, сиреневый, лилейный, цикламеновый*, цвет *фуксии* и *маков* цвет, а в итальянском — *rosa* 'розовый', *viola* 'фиолетовый', *ciclamino* 'цикламеновый', *geranio* 'цвет герани', *lilla* 'лиловый' и *fucsia* 'цвет фуксии'.

Отметим также продуктивный метафорический процесс, когда в результате семантической деривации, опирающейся на различные свойства растений, образуются характеристики самых разных свойств человека (внешний вид, поведение, морально-нравственные качества и др.). В русском языке: *цветок, цветочек* 'о красивой, молодой девушке или девочке', *роза* 'о миловидной цветущей девушке или женщине', *камелия* 'о женщине легкого поведения', *мимоза* 'об обидчивом человеке', *одуванчик* 'о старом и безответном человеке' или 'о человеке с легкими светлыми волосами', *подснежник* 'о человеке, стремящемся не привлекать внимание, застенчивом и т. п.', *подсолнух* 'о солнечном, жизнерадостном человеке'; в итальянском: *fiore* 'о человеке особенной красоты, добродетели, достоинства', *rosa* 'о молодой, красивой, здоровой, цветущей девушке', *papavero* 'об очень важном человеке, который занимает первые места в обществе', *primula* 'о человеке, которого трудно поймать, захватить' и *tammola* 'о застенчивом и скромном человеке'.

В ряде случаев флористическая метафора используется для номинаций предметной сферы: в русском языке *тюльпан* 'о лампочке, бокале или юбке', *роза* 'об архитектурном или ювелирном украшении' и *ромашка* 'о детской карусели', а в итальянском — *fiore* 'о наружной части чего-либо': *a fior d'acqua* («на поверхности воды»), *tulipano* 'о лампочке или бокале', *margherita* 'о глади, которой вышивают обычно цветочные орнаменты', *rosa* 'роза ветров' и т. д. и *papavero* 'о чем-либо скучном'. В этом случае метафоры образуются с опорой на сходство внешних признаков.

Подведем итоги. Для моделирования метафорических фрагментов русской и итальянской языковых картин мира оказывается существенным выбор мотивирующего признака: в ряде случаев сохраняется признак, связанный с внутренней формой прямого значения (*тюльпан, мимоза, сирень* и *lilla*), в других же случаях в процессе метафорообразования данный мотивирующий признак становится неактуальным (чаще всего говорящие о нем уже не помнят), и на первый план выходит иной признак, более существенный для номинатора в процессе вторичной номинации (*василек, ромашка, ciclamino, geranio, margherita* и *paravero*). В некоторых случаях переносное значение мотивировано целым комплексом признаков, включая «первообразные» (*первоцвет, подснежник* и *одуванчик*).

Отметим, что в русском и итальянском языках в основном развивают метафоры те номинации, ВФ которых утратили или затушевались: *ciclamino, geranio, giglio, lilla, mammola, margherita, paravero, rosa, tulipano, viola* и *василек, лилия, мак, мимоза, роза, ромашка, тюльпан, фиалка*. Однако в русском языке имеется некоторое количество флористических метафор, которые образовались от наименований, сохраняющих живую внутреннюю форму: *первоцвет, подснежник, одуванчик* и др. Метафорическое значение развивает образный потенциал ВФ наименования цветка.

Сопоставление флористической метафоры в русском и итальянском языках позволяет сделать вывод о том, что при формировании метафорических значений наиболее актуальным оказывается перенос наименований «цветок → человек» и «цветок → цвет». Наименее распространенным в обоих языках является перенос «цветок → артефакт».

Кроме того, языковое сознание русских и итальянцев актуализирует чаще всего визуальные признаки, положенные в основу метафорического переноса: для русского языка доминирующими являются цвет и форма, а для итальянского — цвет, форма и размер. Реже в процессе метафорообразования востребованы признаки, связанные с характеристиками жизнедеятельности цветка или его свойствами.

Бабина Л. В., Дементьева А. Г. Метафорические модели, определяющие формирование переносных значений фитонимических единиц (на материале английского, русского и французского языков) // Вестн. Сев.-Осетин. гос. ун-та. Обществ. науки. Владикавказ, 2011. С. 180–185. [Babina L. V., Dement'eva A. G. Metaforicheskie modeli, opredel'jajushhie formirovanie perenosnyh znachenij fitonimicheskikh edinic (na materiale anglijskogo, russkogo i francuzskogo jazykov) // Vestn. Sev.-Osetin. gos. un-ta. Obshhestv. nauki. Vladikavkaz, 2011. S. 180–185.]

Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты. Томск, 2007. [Blinova O. I. Motivologija i ee aspekty. Tomsk, 2007.]

Блинова О. И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. М., 2010. [Blinova O. I. Javlenie motivacii slov: Leksikologicheskij aspekt. M., 2010.]

Будагов Р. А. Введение в науку о языке : учеб. пособие. М., 2003. С. 91–93. [Budagov R. A. Vvedenie v nauku o jazyke : ucheb. posobie. M., 2003. S. 91–93.]

Ефремова — Большой современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / ред.-сост. Т. Ф. Ефремова. М., 2006. [Bol'shoj sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka : v 3 t. / red.-sost. T. F. Efremova. M., 2006.]

МАС — Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999. [Tolkovyj slovar' russkogo jazyka : v 4 t. / pod red. A. P. Evgen'evoj. M., 1999.]

Мусаева О. И. Флористическая метафора как фрагмент национальной картины мира: на материале русского и испанского языков : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. [Musaeva O. I. Floristicheskaja metafora kak fragment nacional'noj kartiny mira: na materiale russkogo i ispanskogo jazykov : dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2005.]

Панкова Т. Н. Флористическая метафора как фрагмент национальной картины мира носителей английского языка // Вестн. ВГУ. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2009. № 1. С. 38–40. [Pankova T. N. Floristicheskaja metafora kak fragment nacional'noj kartiny mira nositelej anglijskogo jazyka // Vestn. VGU. Ser. «Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija». 2009. № 1. S. 38–40.]

Сетаров Р. Д. Национальная специфика образной номинации (на материале названий растений в славянских, германских и тюркских языках) : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000. [Setarov R. D. Nacional'naja specifika obraznoj nominacii (na materiale nazvanij rastenij v slavjanskix, germanskih i tjurkskih jazykah) : dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2000.]

ТСОШ — Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 1994. [Tolkovoj slovar' russkogo jazyka / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova. M., 1994.]

ТСУ — Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940. [Tolkovoj slovar' russkogo jazyka / pod red. D. N. Ushakova. M., 1935–1940.]

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1986. [Fasmer M. Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka : v 4 t. M., 1986.]

DISC — Dizionario della lingua italiana DISC / F. Sabatini, V. Coletti. Milano, 2006.

GDI — Gabrielli A. Grande Dizionario Italiano. Milano, 2011.

GRADIT — Il grande dizionario italiano dell'uso, 6 vol. / T. De Mauro. Torino, 1999 [CD-ROM].

Treccani — Vocabolario Treccani.it [Electronic resource]. URL: <http://www.treccani.it/vocabolario/>.

Статья поступила в редакцию 19.05.2015 г.

УДК 811.161.1'367.3:398.2 + 821.161.1-343

С. С. Ваулина
Л. Ю. Подручная

ИНФИНИТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ОРГАНИЗАЦИИ МОДАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РУССКОГО БЫЛИННОГО ЭПОСА

В статье рассматривается специфика функционирования инфинитивных предложений в текстах русского былинного эпоса; анализируются семантические особенности модального комплекса инфинитивных конструкций; выявляется художественно-образительная роль инфинитивных предложений в поэтике былины.

К л ю ч е в ы е с л о в а: былина; фольклор; эпическая поэзия; независимый инфинитив; инфинитивные предложения; модальность.

Изучение национального своеобразия языковой картины мира сквозь призму синтаксических структур является одной из самых актуальных и плодотворных идей современного языкознания. Исследование и расшифровка закодированных на синтаксическом уровне способов мышления дает возможность понять